

10.00.00 Philological sciences

10.00.00 Филологические науки

UDC 82

ORIENTAL MYTHOLOGY AND AZERBAIJAN NOVEL:
POINTS OF INTERSECTION

Salida Sh. Sharifova

The Institute of literature. Nizami The National Academy of Sciences of Azerbaijan
AZ1141, 9, F.Agayev St., Baku, Azerbaijan Republic
PhD (Philology)
E-mail: salidasharifova@yahoo.com

The mixing of Azerbaijan novels with mythologies has been analyzed in the this article. Author considered some forms of genre mixing in her research. She described the influence of mythology on signs of the genre of novels. Author of the article revealed the motives of writers when referring to the myth. The list of possibilities for mixing with a myth had been given by author of the article. Dr. Sharifova was investigated the modern Azerbaijani novels myths and novels anti-myths.

Keywords: oriental mythology, novel-myth, novel anti-myth, azerbaijanian novels.

Мифологизм в литературе – явление известное и распространённое. Мифологизм позволяет автору выйти на более глубокое отображение затрагиваемой в произведении проблемы, зачастую служит одним из важных инструментов раскрытия «вечных» проблем бытия. Мифологизм художественного произведения предполагает заимствование элементов мифологии, что влияет на мифопоэтику художественного произведения.

«Генетическая» связь романа с эпосом, который является составной частью мифологии, приводит к тому, что роман как жанр с момента своего становления отмечен мифологизмом, а значит и мифопоэтикой. Эпос вобрал в себя многие сказочные и мифологические мотивы и сюжеты, и, переработав, передал «в дальнейший оборот, обязательный для поэтики следующих поколений» [Веселовский, 1989, с. 303]. Эти мотивы сыграли большую роль в генезисе романских сюжетов, а мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысливаются в романистике почти на всем протяжении ее истории. Еще в средневековом романе можно обнаружить целый ряд архетипических мифологем [Мелетинский, 2000. с. 85].

Вместе с тем, взаимодействие романа и мифа не завершается на уровне «генетических» связей. Исследователь Е.А. Добренко отмечает, что вхождение в художественное произведение элементов мифа возможно в различных формах: «как вставной микросюжет, не определяющий всей его структуры (случай крайне редкий, поскольку включение мифа связано, как правило, с его художественным переосмыслением); он может не только раскрываться в тексте произведения, но и определять его композиционную структуру и, наконец, миф может не вводиться в произведение, но в композиционной структуре будут вполне ощутимы (в той или иной степени) элементы архаической тоники, мифологического хронотопа» [Добренко, 1989, с. 155–156].

Развивая тезис Е.А. Добренко о том, что одной из форм мифологизма является вставление мифа в качестве микросюжета, следует отметить, что с точки зрения жанрового смешения – это фактически представляет собой некий аналог «вставных новелл». Подобные «вставки» представляют собой «лирические» отступления, не влияющие на структуру художественного произведения, но призванные передать некий дух.

Вместе с тем, миф может вставляться не только как микросюжет, но и составлять основу сюжета в целом, либо основу одной или нескольких сюжетных линий произведений со сложным сюжетом. Если миф составляет основу сюжета произведения в целом то, можно говорить о романе-мифе, или его антиподе – романе-антимифе.

Следует также отметить, в том случае, когда миф не введен в произведение, но ощущается его влияние, речь идет о мифической интертекстуальности художественного произведения. Отказ от использования формы мифа, предпочтение отображения духа мифа и характеризует интертекстуальный мифологизм.

В произведениях азербайджанской крупной прозы конца XIX века – начала XX века мифологизм проявляется двояко – либо в форме непосредственного переложения авторами бытовавших легенд и дастанов (то есть основу сюжетной линии прозаического произведения составляет сюжет мифа), либо же в форме вкрапления в текст в качестве интертекста. Так к прозаическим переложениям легенд и дастанов можно считать произведения Р. Заки «Керем и Асли» (1913), «Короглу» (1913), Б. Джаббарзаде «Ашик Гариб» (1913), А. Музниба «Юсиф и Зулейха» (1913) и т.д.

Прозаическое изложение легенд и народных дастанов «страдало» недостатком. При повторении народных эпосов – дастанов, автор вынужден был отречься от мифологического мироощущения, присущего рассказчику, от имени которого повествует дастан. В результате, прозаическая его версия теряет как в поэтике, так и в своем мифологическом компоненте. Дело в том, что дастан – это «произведение по своему происхождению народное. Поэтому вряд ли правомерно включать в этот жанр художественные произведения, у которых есть личное авторство и сюжеты которых не имеют параллелей в устном эпическом творчестве народа...» [Сухочев, 1971, с. 37].

Следует уточнить, что интертекстуальное влияние мифологических мотивов и элементов значительно повышало художественную ценность создаваемых романов на этапе становления. В качестве можно привести роман Наримана Нариманова «Бахадур и Сона», который интертекстуально сопряжен с дастаном «Асли и Керем».

Интертекстуальный мифологиям азербайджанского романа сопряжен с обращением к сложившимся архетипам, как в форме образа, так и в форме мотива. Архетип представляет собой продукт коллективного бессознательного [Мелетинский, 2000, с. 18]. Архетипами являются образы «матери», «дитя», «мудрого старика», «мудрой старухи» и т.д. [Мелетинский, 2000, с. 17–18]. Следует учитывать, что понятие архетипа находится в тесной связи с пониманием мотива как «образа в действии», данным Б.И. Ярхо [Ярхо, 1984, с. 221]. Мифологические мотивы сами выступают в роли архетипов [Неклюдов, 1984, с. 221–229]. Таким образом, мифологизм художественного произведения может проявлять себя не только в форме включения в него архетипического образа (в том числе и в качестве прототипа литературного героя), но и в качестве мифологического мотива.

Как ни парадоксально, мифологизацию литературы провоцирует процесс информатизации общества. Информатизация сталкивает современное общество с явлениями «информационного взрыва», а также с сопряженным с последним

«информационным шоком». «Информационный шок» приводит к ренессансу мифологического сознания за счет того, что разрастающийся информационный поток наталкивается на ограниченный порог восприятия (индивидуального и коллективного). Своеобразным выходом из ситуации становится активизация иррационального, что и «возрождает» миф как форму рассуждения и хранения знаний. Это приводит к неомифологизации современной культуры, в том числе и литературы.

В качестве примера неомифологизации из современной азербайджанской литературы можно привести роман Сабира Рустамханлы «Небесный Тенгри» («Göy Tanrı»). Сюжет этого романа уносит нас в период правления каганов, в период расцвета тенгрианства как концепции единобожия. Вместе с тем, это произведение не является классическим историческим романом. С. Рустамханлы, используя мифологию и письменные источники (в том числе и Орхон-Енисейские стелы), ищет ответы на стоящие перед современным обществом вопросы в мифическом прошлом. «Небесный Тенгри» - это произведение о современных проблемах, но отраженных в неомифологическом художественном пространстве.

Естественно, что не все произведения являются настоль «мифологизированными». В большинстве случаев, произведение подвергается частичному вкраплению мифологических элементов. Мифологические компоненты используются авторами для решения тех или иных «локальных» задач. Например, неомифологическая компонента характеризует роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Исследователи подчеркивают широкое использование авторских приемов мифотворчества В. Пелевиным. Если приводить пример из азербайджанской литературы, то можно обратиться к роману Анара «Белый телец, черный телец» («Ağ qoç, qara qoç»).

Следует также отметить, что в современных произведениях мифологичность не тождественна мифологичности литературных произведений народного творчества, а также раннего Средневековья. В отличие от аффективной мотивации поступков героев (образов) «традиционных» мифологических произведениях, в современных литературных образцах мотивация героев носит морально-психологический окрас. Это наиболее наглядно видно в сравнении дастана и азербайджанского романа, подверженного влиянию мифа. Сопоставление дастана и романа не случайно: в азербайджанской литературе мифологизм наиболее ярко проявился именно в обращении к древним и средневековым дастанам-эпосам.

Известные как «народные романы», дастаны характеризуются монументальными образами, обширностью содержания. В отличие от сказаний, легенд и сказок, дастаны обладают развитым сюжетом, а герои дастанов борются не только с мифическими силами, но и с другими героями из числа людей, а иногда и с отдельными социальными группами. Наиболее сильное влияние на азербайджанский роман оказал древнетюркский дастан «Книга моего деда Коркуда» [Təhmasib, 1961, с. 11-12]. Проблематика, сцены, герои из этого дастана не раз воспроизводились в современных азербайджанских прозаических произведениях [Xəlilov, 1973]. Например, романы Мовлуда Сулейманлы «Кочевье» Сулейманлы, «Белый овен, черный овен» Анара, «Неполная рукопись» Камала Абдуллы, и т.д.

Особое влияние «Книги моего деда Коркуда» на азербайджанскую прозу, в том числе и романистику, обусловлено не только содержательным богатством этого дастана, но и жанровыми особенностями, в том числе и со схожестью с европейскими прозаическими жанрами. Турецкий литературовед Агах Сирри Левенд отмечает: «эпос «Книга моего деда Коркуда» - это художественное

произведение, являющееся нечто средним между дастаном и повестью...» [Ləvənd, 1951, с. 59].

Ограничивать влияние тюркских эпосов на современную азербайджанскую прозу и романистику только лишь «Книгой моего деда Коркуда» было бы неоправданным. Влияние оказали и такие дастаны-эпосы как «Огузнаме», «Шах Исмаил», «Короглу», «Гачаг Наби», «Гачаг Керем» и другие. В ряде случаев сюжет, тема и образы дастанов играли не последнюю роль при обращении писателей к прозаическим жанрам, в том числе и к жанру романа. Дастаны «Асли и Керем», «Шах Исмаил», «Короглу», «Гачаг Наби», «Гачаг Керем», «Саттархан» послужили в качестве основы для многих азербайджанских романов. Влияние дастанов можно зафиксировать в большинстве романов конца XIX – начала XX века.

Мифотворчество в азербайджанской романистике связано также с влиянием ислама. Например, художественное изложение жизнедеятельности пророка Мухаммеда сопряжено с конструированием автором собственной интерпретации содержания хадисов, а также особой исламской биографической литературы – Сиры. Жизненному пути и пророческой миссии Мухаммеда посвящен роман Чингиза Гасановича Гусейнова «Мерадж. Роман о пророке Мухаммеде». В романе обстоятельно изображены «исра» (ночное путешествие из Мекки в Иерусалим) и «мерадж» (вознесение на небо) пророка Мухаммеда. Источником информации о данном событии, имеющем значение для исламской теологии, являются именно хадисы.

Литература XX века породила также такой подтип романа как роман-антимиф. Роман-антимиф представляет собой самостоятельную жанровую конструкцию, отличающуюся от романа-мифа. Жанр романа-антимифа «генетически» связан с «классическим» романом-мифом, но противопоставлен ему по семантике [Полушкин, 2009, с. 14]. Роману-антимифу свойственны следующие особенности: текстуализация мифа, интертекстуальный диалог между романским и мифологическим текстом, разрушение традиционной семантики при сохранении формы.

Обратимся к мнению А.С. Полушкина – «для романа-антимифа характерно свободное манипулирование мифом как текстом, его дегероизация, демонстрация приема», интертекстуальная игра, а главное – разрушение мифологической семантики при сохранении мифопоэтической формы» [Полушкин, 2009, с. 14]. Если сопоставить данное мнение с вышеперечисленными особенностями «Неполной рукописи» (Yarıncı əlyazma), то можно зафиксировать их содержательное «наложение». «Неполная рукопись» содержит в себе черты романа-антимифа. Следует учитывать, что Камал Абдулла, является одним из основных исследователей эпосу «Книга моего деда Коркуда», автором множества книг и статей, посвященных этому эпосу.

Следует отметить, Камал Абдулла манипулирует текстом дастана «Книга моего деда Коркуда», дискредитирует мифологического героя (например, в мифе дед Коркуд это архетип «мудреца», то в произведении – верный слуга Баяндыр хана), разрушает основу мифологического мировосприятия (например, превращая камень «Нур» («Святой») в божественное начало Тенгри), сатирично перерабатывает сюжеты из эпосов, смешивая их с авторской саркастической интерпретацией исторических событий (например, бегство Шах Исмаила Хатаи и его умерщвление по нелепому стечению случайностей) и т.д.

Подытоживая, хотелось бы отметить, что особенности мифологизма азербайджанского романа зависят от исторической и политической обстановки, от сложившейся культурно-исторической ситуации. Доминирующей же чертой

мифологизма на современном этапе является «преломление» через призму неомифологии.

Примечания:

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
2. Добренко Е.А. Мифологическая модель мира и композиционная структура современного эстонского роман // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования. Петрозаводск, 1989.
3. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Курс лекции по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М., 2000.
4. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.
5. Полушкин А.С. Жанр романа-антимифа в шведской литературе 1940–1960-х годов (на материале произведений П. Лагерквиста и Э. Юнсона). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2009.
6. Сухочев А.С. От дастана к роману. Из истории художественной прозы урду XIX века. М.: Наука, 1971.
7. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст: Лит.-теорет. исслед. М.: Наука, 1984.
8. Xəlilov Q. Azərbaycan romanının inkişaf tarixindən. Bakı, 1973.
9. Ləvənd Sirri Ağah. Türk ədəbiyyatı. İstanbul, 1951.
10. Təhmasib M.H. Dədə Qorqud boyları haqqında // Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatına dair tədqiqatlar. Bakı, 1961.

УДК 82

**ВОСТОЧНАЯ МИФОЛОГИЯ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ РОМАН:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

Салида Шаммед кызы Шарифова

Институт литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана
370143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр. Г. Джавида, 31
Кандидат филологических наук
E-mail: salidasharifova@yahoo.com

Статья посвящена жанровому смешению азербайджанского романа с восточной мифологией. Рассматриваются формы жанрового смешения. Особое внимание уделено проблемам влияния мифологии на жанрообразующие признаки романа. Автор статьи раскрывает мотивацию писателей, обращающихся к мифологии. Проанализированы возможности, которые предоставляет писателю такое жанровое смешение. Проанализированы образцы азербайджанских романов-мифов и романов-антимифов.

Ключевые слова: восточная мифология, роман-миф, роман-антимиф, азербайджанская романистика.